

maestro
of detective

ЧИНГИЗ
Абдуллаев

СТИЛЬ ПОДЛЕЦА

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Стиль подлеца

«PEN-клуб»

1998

Абдуллаев Ч. А.

Стиль подлеца / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1998 — (Дронго)

Убийство дорогой «девушки по вызову» богатым клиентом выглядело вполне банальным. Но... Это убийство было заснято скрытой камерой на пленку. При загадочных обстоятельствах погибла единственная свидетельница, способная пролить свет на случившееся. И наконец, заснятый на пленку человек, обвиняемый в убийстве, клянется, что в момент совершения преступления находился в другом месте.... Так начинается новое дело специального агента Дронго. На первый взгляд оно кажется простым до смешного, однако оказывается одним из самых загадочных и необычных за всю карьеру Дронго.

Содержание

Начало	5
День первый	7
День первый	12
День первый	17
День второй	20
День второй	28
День второй	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чингиз Абдуллаев

Стиль подлеца

Не таков он, чтобы сдаваться без борьбы... В душе он чувствовал, что приближается новый период, начинается борьба, непохожая на ту, которую он вел прежде, и оттого, быть может, еще более трудная.

Жоржи Амаду. «Габриэла, корица и гвоздика».

Начало

Он возвращался домой довольно поздно. Обычно он не любил ходить в гости, но на этот раз позвонил старый знакомый, с которым он дружил много лет. Отказаться было невозможно, да и с какой стати. Иногда подобные встречи вносят некое подобие стабильности в его жизнь, богатую сюрпризами. Прогулки по московским ночным улицам таили опасность, и он торопился домой, стараясь избегать темных переулков. Торопился даже не потому, что боялся встречи с обычной шпаной – к нему такая публика не приставала, видя его высокий рост и широкие плечи, хулиганье опасалось нарваться на спортсмена. Но ему была неприятна сама вероятность встречи, которую лучше избежать. Даже мелкая шпана имела обыкновение вооружаться огнестрельным оружием и без колебаний пускать его в ход при малейшем сопротивлении жертвы.

Он старался никогда не носить при себе оружия. За много лет своих исследований успел усвоить правило, гласившее, что оружие не только не защищает его владельца, но, наоборот, часто провоцирует его на необдуманные поступки. Именно поэтому он старался по возможности избегать оружия, хотя право на его хранение и ношение у него было оформлено.

У дома было довольно светло от уличных фонарей. Именно поэтому он сразу заметил стоявшую у подъезда машину. В машине сидели двое. Будь это наемные убийцы, приехавшие угостить его парой свинцовых патронов, они не стали бы въезжать во двор. Оставив машину на улице, они ждали бы его у дверей. Очевидно, «Мерседес» приехал к кому-нибудь из жильцов дома. Но едва он подошел к машине, как тут же хлопнула дверца и перед ним выросла фигура парня лет двадцати пяти.

– Извините, у меня к вам письмо. Вы Дронго? – подошел он вразвалочку.

– А почему вы так решили?

– Мне вас примерно описали. Я должен передать вам письмо.

– Я не жду никаких сообщений. Это, видимо, ошибка.

– Там все написано, – торопливо сказал молодой человек, протягивая конверт, – до свидания. Вам позвонят домой.

Незнакомец сел в машину, но она продолжала стоять у подъезда, словно и не собиралась никуда уезжать. Дронго постоял немного, глядя на сидевших в «Мерседесе» молодых людей, а затем стал медленно набирать код автоматического замка на дверях своего подъезда. Оглянулся еще раз – спокойно, и вошел в дом. Дверь закрылась, замок автоматически щелкнул у него за спиной. Уже в лифте он посмотрел на конверт, но не стал его вскрывать, решив дождаться, когда окажется в квартире.

Войдя, неторопливо разделся, умылся, затем прошел к письменному столу. Долго смотрел на конверт без адреса и фамилии отправителя, затем вскрыл его и прочел на небольшом клочке бумаги следующее:

«Уважаемый господин Дронго. Прошу извинить меня, что обращаюсь к вам не по имени-отчеству, которого мне так и не удалось узнать. Дело в том, что мне срочно нужна ваша помощь.

Понимаю, как вас удивит подобное письмо, но прошу отнестись к нему серьезно. Это исключительно важное дело, с решением которого можете справиться только вы».

Он прочел это анонимное послание несколько раз, не понимая, кто и зачем его отправил. Ни имени человека, ни обратного адреса, ни малейшего намека на то, на какую именно помощь он рассчитывает.

Дронго включил телевизор и постарался отвлечься от странного письма, но это ему плохо удавалось. Через несколько минут раздался телефонный звонок. Он включил автоответчик.

– Здравствуйте, – раздался незнакомый мужской голос. Его обладатель терпеливо выслушал оставленное на автоответчике сообщение, но, видимо, не собирался так просто сдаваться. – Вы не могли бы снять трубку? – заявил он. – Вам только что передали мое письмо.

– Слушаю вас, – Дронго включил телефон.

– Я звоню из Парижа. Понимаю, как удивит вас этот звонок. Но нам нужно срочно встретиться.

– Не понимаю, почему? – пробормотал Дронго. – И кто дал вам мой телефон?

– Это не важно, – торопливо сказал абонент, – я потратил много сил и времени, чтобы отыскать вас. Вы можете прилететь ко мне в Париж?

– Я еще не знаю, с кем имею честь говорить.

– Узнаете, когда прилетите. Обещаю, что вам ничего не грозит. Если вы почему-либо не примете мое предложение, вас тут же отправят обратно. Билет первого класса вам уже заказан. Вылет рано утром. Если вы согласитесь, вам немедленно принесут деньги и билет. Только впишите в билет свою фамилию и номер паспорта. Утром вас доставят в аэропорт Шереметьево, а когда самолет прилетит в Париж, встретят и привезут ко мне.

– Интересное предложение, – сказал Дронго. – Получается, что я должен лететь к вам, ничего о вас не зная. Я обычно так не делаю.

– Это не обычный случай. Поверьте, у меня исключительные обстоятельства, и мне очень нужна ваша помощь.

– Охотно верю, но, согласитесь, такой звонок ничего, кроме подозрений, вызвать не может.

– Согласен. И чтобы вы мне окончательно поверили, сейчас вам принесут билет и пятьдесят тысяч долларов аванса. Вас устраивает такой аванс?

– Устраивает, – усмехнулся Дронго. – У вас неординарная манера вести дела. Хорошо. Я прилечу завтра утром. А откуда вы знаете, что у меня есть Шенгенская виза?

– Я даже знаю, что у вас есть вид на жительство во Франции, – торопливо сказал незнакомец. – Поверьте, что я проделал очень большую работу. Вы мне нужны, Дронго, и поэтому я жду вас завтра утром.

– А почему бы вам самому не прилететь ко мне?

– Мы поговорим и об этом, – пообещал на прощание незнакомец. – Так вы согласны?

– Я люблю летать в Париж, – задумчиво произнес Дронго.

– Спасибо, – обрадовался незнакомец, – до свидания.

Ровно через две минуты в дверь позвонили. Интересно, как они открыли автоматический замок в подъезде, подумал Дронго. Неужели они знают код? Он посмотрел в «глазок». Это был тот самый молодой человек, который передал ему письмо. Дронго открыл дверь, и молодой человек протянул ему второй, более объемистый конверт.

– Мы будем ждать вас утром внизу, у подъезда, – сообщил он на прощание.

В конверте оказалось пять новых пачек стодолларовых купюр и билет первого класса авиакомпании «Эйр-Франс» до Парижа. Он задумчиво положил билет на столик, сложил деньги и отправился собирать свои вещи. Нужно было успеть со всем до утра.

День первый

Он действительно любил этот город. Ему казалось, что он знал его почти так же хорошо, как свой родной город у моря, где родился и вырос. Как Москву, где провел большую часть своей жизни. Как Нью-Йорк, в котором он работал какое-то время в качестве эксперта. Париж был для него не просто столицей Франции и городом, который ему нравился. Он в полной мере отвечал лаконичной формуле хемингуэевского выражения любви к Парижу – «праздник, который всегда с тобой».

За время своих частых переездов Дронго научился ценить и понимать как прелесть маленьких, игрушечных городков Европы, так и роскошь азиатских столиц с их дворцами и памятниками старины, пугающие размеры конгломератов высотных зданий Америки, пеструю смесь стилей и эпох латиноамериканских мегаполисов. Ему нравились многие города мира. Величественный Лондон, древний Рим, роскошный Мадрид, прекрасный Сан-Франциско, очаровательный Буэнос-Айрес, эклектичный Берлин, причудливый Пекин, изысканный Санкт-Петербург – для него это были вехи не только мировой культуры, но и его собственной души. Любимые города, разнообразно прекрасные и возвышенные, созданные гением человека. Но если Нью-Йорк был для него столицей современного мира, а Москва столицей его глубоко личных духовных ценностей, то Париж – столицей его души. Немного загадочным, немного жеманным, немного консервативным и всегда потрясающим.

В аэропорту его ждал автомобиль с двумя встречающими. Еще не зная, с кем именно ему предстоит говорить, Дронго уже довольно четко представлял себе, кто именно мог ему позвонить, точнее, он набросал психологический портрет звонившего. Во-первых, человек, который мог прислать в качестве аванса пятьдесят тысяч долларов, купить билет первого класса, иметь своих помощников в Москве и в Париже, разъезжающих на «Мерседесах», – был не просто богат, а очень богат. Ведь он еще сумел узнать адрес и домашний телефон самого Дронго, а сделать это довольно трудно – весьма ограниченный круг людей могли похвастаться личным знакомством с экспертом суперкласса Дронго. Это он понимал без ложной скромности.

Довольно быстро пройдя все пограничные и таможенные формальности, он сел в автомобиль, который помчал его в центр города. Через полчаса они были уже в шестнадцатом районе Парижа, известном домами с роскошными аристократическими квартирами. Машина остановилась у одного из особняков. Молодые люди уверенно позвонили в дверь, и она открылась, впуская гостя. Еще через минуту пожилой человек, по виду дворецкий, ввел его в большую гостиную и удалился.

Дронго осмотрелся. Два роскошных камина, огромная хрустальная люстра, тяжелые шелковые гардины – хозяин любил старину.

– Это не моя квартира, – услышал он русскую речь, – все это я снимаю. Выгоднее снимать дом, чем заказывать несколько номеров в отеле. И удобнее.

Хозяин, высокого роста мужчина, с уже начинающими седеть висками, глубоко запавшими глазами, тонкими губами и носом с небольшой горбинкой, немного нарушавшим симметрию его лица, протянул Дронго руку.

– Здравствуйте, садитесь, – сказал он, усаживаясь в кресло за столиком и терпеливо ожидая, пока сядет его гость.

– Как мне вас называть? – спросил хозяин дома. – Кажется, вам больше нравится ваш псевдоним Дронго?

– Мне больше нравится Дронго, – ответил он, – привычнее.

– А меня зовут Александр Михайлович, можете просто Александр. Здесь, во Франции, меня многие так называют. И я уже привык к такому обращению.

– Вы французский гражданин?

– Пока нет. Имею вид на жительство. Вообще-то я, как и вы, бывший советский гражданин. Когда страна распалась, у меня появилось российское гражданство. Но потом я решил, что лучше переехать сюда. К тому же у меня жена наполовину француженка. Мы довольно быстро получили вид на жительство.

– Могу вас поздравить. Судя по всему, вы неплохо устроились.

Александр улыбнулся. Ему понравилось чувство юмора гостя. Потом он нахмурился, вспомнив о цели визита Дронго.

– Но позвольте к делу, – сказал он, изучающе глядя на своего гостя. – Речь идет о моей судьбе, фактически о моей жизни.

– Только не говорите, что вы хотите нанять меня телохранителем.

– Нет, не хочу. Мне нужны ваши аналитические способности, господин Дронго. Я нахожусь в очень скверном, в отчаянном положении.

– Давайте по порядку. Что случилось и чем я могу вам помочь?

– Мне нужно знать, согласны ли вы.

– Раз я прилетел в этот город, то, наверное, согласен.

– И еще одно условие. О наших разговорах не должен знать никто. Ни один человек.

– Вы могли бы мне этого не говорить. Если вы хотя бы раз позволите себе оскорбительный намек, я немедленно уеду в Москву.

– Извините, я не хотел вас обидеть, – торопливо сказал Александр.

– Речь идет о моей профессиональной гордости. Вы должны меня правильно понять. А теперь рассказывайте подробнее, что именно у вас произошло?

– По делам своего бизнеса я довольно часто вылетал в Москву. У меня есть там прекрасная квартира, большая дача в Подмосковье. Но во время своего визита в прошлом году я решил остановиться на несколько дней в гостинице. Дела требовали моего личного присутствия в городе, а в квартире шел ремонт. Добираться до дачи каждый вечер мне было сложно, и я снял апартаменты в «Метрополе».

Дронго слушал внимательно, не перебивая своего собеседника.

– Я оставался там несколько дней. Должен сказать, что отель, конечно, прекрасный, высшего класса. Я останавливался во многих отелях мира и могу судить об этом квалифицированно. Но вокруг отеля есть и свой «круг обслуживания». В общем, мне рекомендовали одну девушку, которая мне очень понравилась. Понравилась настолько, что я даже подумал взять ее в качестве постоянного «секретаря для командировок». Но все получилось иначе... – Александр вздохнул, нахмурился, потом вдруг спросил: – Вы будете что-нибудь пить?

– Попозже, не прерывайтесь. Рассказывайте все до конца.

– В общем, я был с ней несколько дней. А двенадцатого, в четверг, улетел в Париж. Утром она была, как обычно, у меня, мы вместе позавтракали, и я улетел. Через два дня я узнаю, что труп девушки нашли в этом самом номере, кто-то ее застрелил. Беднягу убили, видимо, сразу после того, как я уехал, но формально номер был еще за мной, и получилось, что я стал главным подозреваемым.

– Когда вы завтракали, вас кто-нибудь видел?

– Конечно. Моя охрана, официант, который приносил завтрак.

– А потом?

– Потом я уехал в аэропорт, оставив ее в своем номере. Он был оплачен до четырнадцатого, и я сказал, что она может в нем оставаться еще целые сутки.

– Она вышла вас провожать?

– Нет. Она в это время принимала душ. Я попрощался с ней, мои люди вынесли чемоданы, и мы уехали.

– Значит, когда вы уходили из номера, никто не видел эту девушку живой?

– Никто. Но в ванной была включена вода. Она принимала душ.

– Это не доказательство, там мог находиться любой ваш помощник. Или вы сами открыли воду. Получается, что во время вашего отъезда ее никто не видел живой.

– Вот и следователи говорят то же самое. Они убеждены, что именно я убил эту девушку.

– Вы можете вернуться в Москву и все рассказать. Или послать туда своего адвоката. В конце концов, девицу мог застрелить кто угодно, тем более что она оставалась в номере еще целые сутки.

– Нет, – вздохнул Александр, – не могу. Все гораздо сложнее. Пройдемте в мой кабинет, я вам покажу.

Он поднялся и, быстро направившись в глубь гостиной, подошел к высокой двери, украшенной затейливой росписью. Открыв дверь, он прошел по коридору в свой кабинет. Дронго шел следом. Дом был довольно большой, и они прошли не менее пятидесяти шагов, пока Александр наконец не вошел в свой кабинет.

– Садитесь, – показал он на диван Дронго.

Тот уселся, и Александр, достав пульт, включил телевизор. На экране появилось изображение двух голых людей. Он и она. Не обращая внимания на камеру, они предавались любви. Смеялись, толкали друг друга, резвились.

– Нас все время снимали, – ледяным голосом сообщил Александр, – очевидно, девушку подставили мне именно с этой целью.

Он нажал на пульт, ускоряя изображение.

– Ну и что? – спросил Дронго. – Это проблема ваших отношений с женой. Если вы спали с девушкой, это еще не указывает на то, что вы ее убили.

– Смотрите дальше, – сказал Александр, останавливая изображение.

На экране возник Александр. Вот он встал и, улыбаясь, прошел дальше, очевидно, в ванную. В комнате царил полумрак, горел неяркий светильник. Камера чуть повернулась, проследив его уход. Затем снова включилась уже тогда, когда девушка, лежа в постели, выключила светильник. Поднявшись, она раздвинула тяжелые гардины, и солнце осветило балкон и кровать, на которой она лежала. Девушка, повернувшись, улыбнулась и что-то сказала своему невидимому собеседнику. И в этот момент камера показала пистолет с надетым на него глушителем в правой руке мужчины. Были видны его голое плечо и рука. Раздался выстрел. Один, второй. Девушка отлетела к стене и, размазывая по ней кровь, сползла на пол. Неизвестный поднял пистолет и хладнокровно сделал еще один, контрольный, выстрел. Девушка дернулась и затихла. Александр остановил изображение.

– Посмотрите, – сказал он, показывая на картинку, – у убийцы на правом плече небольшой шрам. Видите.

– Да, вижу.

– У меня такой же, – бесцветным голосом сообщил Александр, – видимо, они специально сняли кадр в таком ракурсе, чтобы обвинить именно меня. Все смазано, но все достоверно. Момент убийства зафиксирован на пленке. До этого камера все время снимала именно меня. А вот эти кадры уже не я, а мой двойник, которому даже умудрились устроить шрам на плече. Как вы думаете, получив такие материалы, следователь поверит в мою невиновность?

– Вряд ли, – честно признался Дронго. – Все сделано безупречно, на очень высоком профессиональном уровне. Видимо, вы правы, камера действительно засняла момент настоящего убийства. Невозможно доказать, что в кадре был «второй» голый мужчина. Тем более что у него в наличии ваш шрам.

– Я получил его в детстве, когда купался в Волге. Свалился с обрыва на камни, – объяснил Александр. – Теперь вы понимаете, почему я решил обратиться именно к вам?

– Откуда у вас эта пленка?

– Вот наконец мы перешли к самому неприятному. Мне позвонил некий господин и предложил посмотреть пленку. Я, естественно, сначала отказался, но он мне прислал ее домой.

Сначала я решил, что можно договориться с шантажистами, которые просто хотят денег. Но я ошибался. Человек, приславший мне пленку, хочет гораздо большего. Через десять дней в Москве начинается аукцион по продаже акций крупнейшей российской компании. И все знают, что наша группа готовится принять участие в аукционе. За три дня до начала торгов я должен письменно подтвердить отказ нашей группы. У меня в запасе всего семь дней. В противном случае пленка будет передана следователю, который уже и без того требует, чтобы я прилетел в Москву для дачи показаний.

Пока у меня нет гарантии, что пленка не будет сразу же предъявлена следователю и меня не арестуют прямо в аэропорту. Если же я не появлюсь в Москве через неделю, то никак не смогу убедить моих западных партнеров, что у меня все в порядке. Они просто не поймут, почему я отказываюсь лететь в Москву. И, как следствие, откажутся финансировать наш проект.

Я не могу даже махнуть на все рукой и притвориться больным. Если наша компания не откажется официально от участия в аукционе, пленка немедленно будет передана следователям. Они, конечно же, сразу потребуют у французской стороны моей выдачи. Представляете, чем это может кончиться? Местная пресса постоянно пишет о русской мафии. Мы все для них представители мафии, неизвестно каким образом ставшие миллионерами. У меня отнимут вид на жительство и депортируют в Россию. Рассказывать дальше, что будет, или вы догадываетесь?

Дронго молчал, глядя на застывший экран телевизора.

– Меня обвинят в убийстве девушки и в лучшем случае посадят в тюрьму. В худшем меня прибудут где-нибудь в тюремной камере, не доводя дело до суда... Вы хотите мне что-то сказать?

– Кажется, теперь я вспомнил вашу фамилию, – заметил Дронго.

– Тем лучше, – сказал Александр, – значит, вы все понимаете. Пленка не просто динамит под мое будущее и под будущее нашей компании. Если аукцион пройдет по их правилам, все пропало, они получают контрольный пакет. Это уже не экономика и даже не криминалистика. Это большая политика.

– Семь дней, – задумчиво сказал Дронго, – всего семь дней.

– Да, – подтвердил Александр, – только семь дней. Если в течение этой недели вы не сможете ничего доказать, мне придется подписать документы об отказе нашей компании участвовать в аукционе. И не лететь в Москву в следующий понедельник. Аукцион назначен на четверг. Но окончательное подтверждение заявок – только до вторника. Если я даже откажусь от участия в аукционе, никто не может мне ничего гарантировать. Мой отказ сильно подорвет авторитет не только нашей компании, но и российского бизнеса вообще. Что же лично до меня, то я не гарантирован, что эта пленка потом не всплывет в целях скомпрометировать меня в других ситуациях.

– При чем тут российский бизнес?

– Видите ли, наша компания не имеет свободных денег в таком количестве. Мы подписали соглашение с двумя крупнейшими западными компаниями. Если мы сейчас их подведем, еще много лет никто не станет рисковать, вкладывая деньги в Россию. Я уже не говорю о том, какой ущерб нанесло это убийство репутации нашей компании. Смутные слухи уже просочились в российскую прессу. Пока следователи только проверяют разные версии, среди которых есть и «моя». Но пока это только подозрение. Если мне не удастся ничего доказать, они могут предъявить мне обвинение. Формально все верно. Я был в номере с этой девицей. Я уехал, а ее нашли через несколько часов убитой в этом же номере. Сейчас мои адвокаты проверяют все подробности этого дела в Москве. Но у меня нет времени.

– Кто мог быть заинтересован в подобной провокации?

– Конечно, наши конкуренты в Москве. В первую очередь именно они. Но здесь, в Париже, пленкой владеет некий Уорд Хеккет, весьма сомнительная личность. Как мне удалось

узнать, он уже дважды привлекался за мошенничество, но каждый раз уходил от ответственности. Типичный образчик нечистоплотного дельца. Но в Москве, конечно, есть некто посильнее, кто контролирует весь этот процесс и кто дал санкцию на съемку. Провокация, как вы сами можете видеть, задумана и осуществлена с размахом. Пленка не просто уничтожает все наши шансы, разрушает мою семью, бьет по всей нашей компании и по интересам наших друзей, связанных с нами, она – образчик того, какими методами они готовы с нами бороться.

– Когда вы получили пленку?

– Два дня назад. Хеккет ждет моего звонка. Либо я соглашусь, либо пленку предъявят следователю, который сразу потребует моей выдачи или моего возвращения в Москву. Может быть еще и худший вариант. Пленку покажут по телевидению, что означает полный крах. Даже если потом мне удастся оправдаться, на моей репутации будет поставлен крест.

– На пленке действительно изображены вы?

– Да, к сожалению, я. И меня многие узнают.

– Но стреляли не вы?

– Конечно, нет. Зачем мне убивать несчастную девушку? По каким причинам? Только потому, что мне было с ней хорошо? Бред!

– Ваша жена знает об этой пленке?

– Нет. К счастью, о ней пока не знает в нашей семье никто. Ни мои дочери, ни моя жена.

– Как вы себе представляете помощь с моей стороны? Что я должен сделать? Вы ведь сами говорите, что пленка подлинная. Согласен, что в последнем эпизоде действуете не вы. Но ведь в других эпизодах снимали именно вас. Как мне опровергать эту запись?

– Я не прошу вас что-то опровергать, – вздохнул Александр, – я прошу найти подлинного убийцу. Разобраться с этим преступлением. Вернуться в Москву и найти убийцу. Чтобы через семь дней я смог улететь в Москву. А я могу полететь только в том случае, если буду уверен, что мне не грозит это нелепое обвинение.

– За семь дней? – спросил Дронго. – Вы хотите, чтобы я нашел убийцу за семь дней?

Очевидно, ирония, прозвучавшая в его голосе, заставила бизнесмена съежиться. Он закрыл глаза и глухо пробормотал:

– Может, вы и правы. Наверное, действительно все бесполезно. Но я хотел попытаться... Мне казалось, что вы сможете... Мне говорили, что вы иногда творите чудеса. Вот я и прошу вас сотворить такое чудо.

Дронго молчал.

– Назовите любой гонорар! – патетически воскликнул Александр. – Я готов на любую сумму.

– Дело не в деньгах. Дело в сложности самой задачи, которую вы передо мной ставите. Семь дней, – повторил Дронго, задумавшись, – такого срока у меня еще не было. Может, стоит попытаться, – раздумчиво сказал он наконец. – Попытаемся сотворить чудо. Хотя я лично в чудеса не верю. Но зато немного слышал об этом Хеккете. Мне понадобятся два помощника из числа ваших самых надежных людей. И для начала парижский адрес или телефон Уорда Хеккета. А теперь вы расскажите мне снова все поподробнее. И начните с самого начала.

День первый

Они договорились встретиться в ресторане «Ла тур д'Аржант», что в переводе означало «Серебряная башня». Отсюда открывался великолепный вид на Нотр-Дам. Этот ресторан многие столетия был символом преуспевания французской кулинарии. Здесь обедали самые известные политические деятели, звезды эстрады, бизнесмены. К достоинствам заведения относились блюда из утки, каждое из них подавалось к столу с определенным номером на протяжении шести столетий.

Это был один из лучших ресторанов Парижа, и Дронго намеренно назначил встречу именно там, рассчитывая на то, что его будущий собеседник поверит в его респектабельность. Он не ошибся. Уорд Хеккет выразил понимание проблемы и согласился на встречу с «представителем мистера Александра». Хеккет для начала поинтересовался его именем, и Дронго назвал себя забытым именем Анри Леживра, под которым когда-то работал.

Дронго сидел за столом, когда в зале появился невысокий мужчина с угадывающимися манерами сутенера. Он был ниже среднего роста, имел мясистые щеки, второй подбородок, кустистые брови и внешне был похож скорее на сельского фермера, чем на опытного шантажиста с мировым именем. Однако его выдавали вкрадчивый голос и довольно изысканные манеры. Мягкая улыбка не сходила с его лица, а плавные движения рук могли принадлежать и актеру, и карточному шулеру, готовому в любой момент достать припрятанный туз. Дронго оценил его модный галстук и темный строгий костюм.

Пройдя к столу, Хеккет сел, приглядываясь к уже ожидавшему его Дронго. Улыбнувшись, он сказал по-французски:

– Добрый вечер. Вы назначили встречу в прекрасном месте. Это один из лучших ресторанов Парижа.

– Я не говорю по-французски, – остановил его Дронго, – если можно, давайте перейдем на английский.

– Разумеется. Меня немного сбивает с толку ваша французская фамилия, мистер Леживр. Впрочем, это не имеет значения. Вы уже сделали заказ?

– Нет. Поэтому право выбора я решил предоставить вам. Вы, очевидно, часто бываете в подобных ресторанах, сказывается сложность вашей профессии.

Хеккет поднял бровь, оценив иронию Дронго. Затем углубился в изучение меню и довольно быстро сделал заказ, даже не вчитываясь в большой список, предложенный официантом. Было очевидно, что он не был гурманом. С согласия обоих им принесли красное вино. И лишь когда официанты, обслуживающие их столик, оставили обоих собеседников наедине, они начали разговор.

– Вы, разумеется, будете представлять интересы вашего клиента? – улыбнулся Хеккет.

– Я постараюсь их представлять, – кивнул Дронго, улыбаясь в ответ, – должен сказать, что мой клиент не в восторге от пленки, которую вы ему прислали. Но нужно отдать должное специалистам, которые сделали эту запись. На очень хорошем уровне, кроме последних кадров, разумеется.

– Почему? – еще более очаровательно улыбнулся Хеккет. – Мы рассматриваем пленку как единое целое. Или вы хотите, чтобы мы вырезали последние кадры?

– Нет, конечно. Последние кадры так оригинально завершают сцену их прощания, что я вставил бы их куда-нибудь в голливудский боевик, если, конечно, режиссер и оператор данной стряпни согласятся передать мне права на пленку.

– Вы хотите знать цену?

– Во всяком случае, мы должны иметь хотя бы приблизительное представление о масштабах ваших условий.

– Они известны вашему клиенту. Никаких денег, мы работаем на доверии. Нам нужно всего лишь короткое письмо с отказом мистера Александра от участия в аукционе, который намечено провести в Москве. Пусть остается в Париже, это такой прекрасный город. Вот и все, что мы просим. Он спокойно спит у себя на парижской квартире, а мы спокойно забываем об этой пленке.

– Нет никаких гарантий, что после того, как вы получите подобное письмо, вы забудете о пленке.

– Нет, – согласился Хеккет, – но если мы не получим письмо, то этот фильм будет немедленно передан следователю в Москве, который ведет расследование этого убийства. Полагаю, ваш клиент понимает, чем это ему грозит? Кроме того, моя репутация известна в Европе. Я не позволю себе дважды использовать одну и ту же пленку для давления на вашего клиента.

– Ваша репутация, – пробормотал Дронго, смакуя вкус красного вина. Подскакивший официант быстро наполнил бокалы. – Ваша репутация действительно известна всей Европе, – согласился Дронго. – Вы самый известный шантажист от Мадрида до Варшавы. Не хочу вас обидеть, просто констатирую факты. И вы считаете, что мы можем вам поверить?

– Спасибо, – улыбнулся Хеккет. Его трудно было сбить с его позиций, – но у вас просто нет другого выхода. Вы должны мне верить. Я не ангел, но никогда не делаю гадости ради гадости. Мне нужно во что бы то ни стало нейтрализовать мистера Александра и его западных друзей, не допустив их к участию в аукционе. Больше меня ни о чем не просили. Я никогда не позволяю себе поддаться личным симпатиям или антипатиям. Если мистер Александр откажется от участия в аукционе, все будет забыто, и пленка будет навсегда похоронена. Если, конечно, в будущем кто-нибудь не захочет ее выкупить, – добавил Хеккет, подмигивая своему собеседнику.

– Я не сомневался в вашем внутреннем благородстве, – иронично заметил Дронго.

– У следователя пока ничего нет на мистера Александра, кроме того факта, что он оставался в этом номере. Но это не является доказательством его вины. А вот пленка меняет ситуацию кардинально. Вы ее видели?

– Имел удовольствие.

– Ну вот. Ситуация предельно ясна. Либо он отказывается от участия в аукционе и не едет в Москву, послав письмо об отказе. Либо он летит в Москву и на следующий день узнает из газет, что он главный обвиняемый по делу об убийстве несчастной девушки. Одно из двух. И никаких иных вариантов. Все предусмотрено до мелочей. Это мой стиль, мистер Леживр, это мой фирменный стиль. Если мне поручают работу, я делаю ее до конца и надежно.

– Вы забываете о том, что подобное преступление и различные слухи, которые появились в российских газетах, уже подрывают авторитет моего клиента.

– Не думаю. Общие подозрения ничего не значат без конкретных доказательств. Его адвокаты могут найти кучу свидетелей, которые выходили вместе с ним из номера в отеле. Его помощники, пришедшие за багажом, служащие отеля или еще кто-нибудь. Все подтвердят, что он уходил из отеля, когда его спутница принимала ванну. Никаких доказательств обратного пока не существует. Пока... Что касается самого убийства? Ну кто поверит, что такой известный бизнесмен был причастен к убийству дешевой проститутки? Без пленки – никто. Поэтому не нужно считать, что ваш клиент несет какие-то особенные потери. В конце концов, нельзя быть девственницей в борделе. Это общеизвестно.

Им принесли голубей, завернутых в виноградные листья. Вместе с прожаренными кусочками ореха, в соусе из белого вина мясо казалось особенно нежным. Дронго осторожно взял кусочек, попробовал. Очень вкусно.

– Мистер Хеккет, – сказал Дронго, поднимая бокал, – не скрою, что задуманная вами операция вызывает восхищение. Все продумано и осуществлено с присущим вам блеском. Не сомневаюсь, что люди, заказавшие вам подобное «мероприятие», были хорошо осведомлены о

ваших талантах. Вы, по существу, взяли моего клиента в тиски, не оставляя надежды на какой-либо другой исход.

– Вы мне льстите, – усмехнулся Хеккет.

– И вы считаете, что у моего клиента нет никаких шансов избежать ваших «клешей»?

– Нет, – поднял бокал Хеккет. Он сделал три глотка, поставил бокал на столик и скромно добавил: – Даже с помощью такого профессионала, как вы, Дронго.

– Не сомневался, что вы обязательно меня узнаете, – ровным голосом заметил тот.

– Каждый из нас профессионал в своей области, – вкрадчиво сказал Хеккет, – вы мастер распутывать интриги, а я умею их мастерски плести. Согласитесь, что у меня должна была быть полная информация о таком всемирно известном аналитике, как вы.

– У меня тоже есть некоторая информация о вас.

– Прекрасно, – не без пафоса произнес Хеккет, – давно хотел с вами увидеться. Значит, в течение ближайших семи дней мы будем не только коллегами, но и напарниками в этом трудном деле. Не могу передать всей гаммы чувств, которые меня охватили.

Со стороны казалось, что беседуют двое старых приятелей. Они лучезарно улыбались друг другу и поочередно кивали, соглашаясь с мнением своего собеседника.

– Вы напрасно взялись за это дело, – продолжал улыбаясь Хеккет, – все продумано до мелочей и рассчитано. Вы приехали слишком поздно, мистер Дронго. Возможно, на первом этапе у вас еще были бы какие-нибудь шансы, но, когда осталось всего семь дней, пардон, уже шесть, у вас их нет. Вы только подорвете свою профессиональную репутацию. Мой стиль хорошо известен: продумывать операцию до мелочей и всегда, вы слышите меня, Дронго, всегда добиваться нужных результатов. Поэтому единственное, что я могу вам посоветовать, – это вернуться домой. Вы опоздали.

– Не думаю. За столько дней может многое произойти. Я все-таки намерен взяться за это дело. Мне будет даже интересно найти ошибки в вашей безупречно выстроенной схеме.

– Пожалуйста, – развел руками Хеккет.

От него исходил сильный карамельный запах. Дронго усмехнулся:

– Я не думал, что вы так привержены моде. Вам нравится «Тьерри Мюглер»?

– Да. В последнее время это мой любимый парфюм. А вот вы, как известно, много лет употребляете только «Фаренгейт». Говорят, что вас можно найти даже по запаху.

– Спасибо. Что еще обо мне говорят?

– Вы консервативны, Дронго, а значит, привержены каким-то определенным ценностям. Вся Европа знает, что вы носите обувь только фирмы «Балли», предпочитаете костюмы от Валентино. У вас строгий вкус, мистер Дронго.

– Не могу вернуть вам комплимент. Ваш великолепный галстук от Кензо явно не вяжется с вашим костюмом. Чья это фирма?

– «Балансиага». Я покупаю костюмы в бутике на авеню Георга Пятого.

– Прекрасно знаю этот магазин. Там, по-моему, владелец магазина индус. Или пакистанец. Он находится напротив бутика «Живанши», с правой стороны, если заворачивать с улицы Монтеня.

– Вы хорошо знаете Париж, – улыбнулся Хеккет. – А мне говорили, что вы лучше всех в Европе умеете выбирать тонные галстуки для своих костюмов. По-моему, на вас Версаче. Я слышал, это был ваш любимый дизайнер. Покойный предпочитал вызывающе эффектный стиль, что мне в нем и нравилось. Но вы с вашим строгим вкусом носите такие галстуки?

– Уже не ношу. После того как его полюбили в Москве наши «новые», я решил отдавать предпочтение другим, более сдержанным мастерам. Сейчас я ношу номерные эксклюзивные галстуки от Живанши, они мне нравятся. Но их цветочная гамма скорее рассчитана на лето. На зиму я предпочитаю более строгие галстуки итальянских модельеров.

– Вы тонкий ценитель прекрасного, – заметил Хеккет. – А какие рубашки вы обычно носите? Я люблю от Нины Риччи. Они всегда в моде.

– «Монсеньор Кристиан Диор», – признался Дронго. – Дело в том, что в ваших рубашках есть пластмассовые вставки для поддержки воротничков. А я всегда их теряю. Поэтому ношу либо «Монсеньор», либо «Пионер», чтобы не искать вставки.

– Нижнее белье, конечно, от Джерутти?

– От Кельвина Кляйна. Хотя я принципиальный противник моделей «унисекса», но у него есть некоторые классические образцы.

– У нас много общего, – засмеялся Хеккет, – мы могли бы составить потрясающую пару.

– Вы имеете в виду вместе работать?

– Мы уже вместе работаем, в одном деле.

– Соперничаем.

– Можно и так. Хотя мне больше нравится слово «сотрудничаем».

– В таком случае я надеюсь, что наше «сотрудничество» кончится определенным результатом ровно через неделю.

– Сегодня понедельник, – напомнил Хеккет. – В следующий понедельник утром наш общий знакомый должен четко заявить, что он намерен делать. Либо он летит в Москву и его ждет теплая встреча со следователем, либо он остается в Париже и наслаждается своей пикантной пленкой. Он даже может получать удовольствие от просмотра этого фильма, если вырежет последние кадры. Но других вариантов у него нет. Если он решит рискнуть, то проиграет. К сожалению, я связан обязательствами и ничего не могу сделать для него.

– В таком случае у меня даже меньше времени, чем я думал. Но я не привык отступать, мистер Хеккет. Я приглашаю вас в этот ресторан ровно через одиннадцать дней. В пятницу. Надеюсь, вы согласитесь со мной поужинать. Ровно через одиннадцать дней, – повторил Дронго. – И тогда мы обсудим результаты нашего «сотрудничества».

– Вы так самоуверенны, – пробормотал Хеккет, – у вас ничего не получится. Не стоит даже пытаться.

– И все-таки я попытаюсь. В конце концов, даже поражение от такого специалиста, как вы, Хеккет, может многому научить. За ваше здоровье, Хеккет, надеюсь, вы будете здесь ровно через неделю.

– Обязательно, – усмехнулся Хеккет. – Вы напрасно блефуете, Дронго. Ведь сделать уже ничего нельзя. Единственное разумное решение, которое может принять ваш друг, – это написать письмо прямо сегодня и не утруждать вас бесперспективными поисками. В конце концов может пострадать ваша репутация.

– Не думаю. От поражений никто не застрахован. Тем более поражение от такого специалиста по устройству мерзостей, как вы, мистер Хеккет.

С лица Хеккета сошла улыбка. Он нахмурился и раздраженно сказал:

– Хорошо. Попробуйте бросить мне вызов. И мы посмотрим, что у вас получится. Но учтите, что с этой секунды я начинаю вам активно противодействовать. Своего нейтралитета я вам не обещал.

– Я остановился в отеле «Ритц», – сообщил Дронго, – если вы захотите и мне подставить подобную красотку, то я не буду возражать. Еще лучше двух, чтобы у меня был необходимый свидетель.

Хеккет положил вилку на стол. Покачал головой и все-таки улыбнулся.

– Прекрасная тактика, – сказал он, – но вам не удастся меня спровоцировать. Встретимся в следующую пятницу, мистер Дронго.

– Вы отказываетесь от десерта? – удивился Дронго.

– Да. Сладкое портит фигуру. Вам тоже полезно от него отказаться.

– Обязательно учту ваши рекомендации, мистер Хеккет. Надеюсь, в них нет никакого скрытого намека?

– До свидания, – поднялся Уорд Хеккет. Подумав секунду, сказал на прощание: – Будьте осторожны, Дронго. Я веду борьбу по своим правилам. А мой девиз: никаких правил в борьбе за главный приз. Прощайте.

Когда он ушел, Дронго еще долго сидел за столиком. Наконец к нему подошел официант.

– Десерт? – спросил он, наклоняясь к посетителю.

– Нет. Принесите мне сыр и еще немного вина. Мой ушедший друг считает, что десерт будет мне вреден.

День первый

Было уже за полночь, но они все еще сидели в кабинете, ведя беседу. После встречи с Хеккетом Дронго приехал к бизнесмену, чтобы уточнить некоторые детали.

– Насчет аукциона я все уже понял, – подвел итог Дронго, – а с девицей вы познакомились в ресторане. Все правильно?

– Да, все правильно. Она была невероятно хороша собой. Как раз тот тип женщины, который мне нравится. Но она не стала подходить ко мне. Просто села за соседний столик и заказала легкий завтрак. Или ленч, как говорят американцы.

– А почему вы решили, что она профессионалка?

– Это было сразу заметно в постели. Она была, видимо, не просто профессионалка, а специалист в своей области. Очень хорошо говорила по-английски. В общем, я решил предложить ей подняться в мой номер, и она согласилась. Что было потом, вы знаете.

– Значит, вас конкретно никто не знакомил?

– Нет. Но я сразу обратил на нее внимание, как только она вошла. Мы как раз в это время ужинали с моим адвокатом. И оба обратили внимание на эту женщину. Она была очень привлекательна. В ресторане почти никого не было. Я обычно встаю очень поздно, стараюсь работать по ночам. Поэтому в гостиницах обычно выбираю западную сторону, чтобы подольше поспать. В этот день мы завтракали ближе к полудню. И представьте себе мое состояние – увидев ее, я даже отменил свои встречи.

– Не сомневаюсь, – пробормотал Дронго, – женщину явно подбирали с учетом ваших вкусов и пристрастий. Узнаю знакомую руку мистера Хеккета. Он все делает основательно. Может, даже пригласил психолога, который определял тип женщины, способной вам сразу же понравиться.

– Да, да, мне тоже так кажется. Она как-то сразу согласилась, повела себя раскованно, просто. Мне не нравится, когда они начинают торговаться, ломаться, набивать цену. Она совсем не похожа на остальных.

– Она такая же, как и все остальные, – возразил Дронго, – только в отличие от других ей заранее было уплачено. И гораздо большая сумма, чем она могла бы заработать за год своей трудовой деятельности. Я думаю, не меньше. Хеккет не скупится в таких случаях. Он ведь все равно выставляет потом общий счет своим «заказчикам».

– Она была такой привлекательной, – вздохнул Александр, – мне стало больно, когда я узнал о ее смерти.

– Ваш адвокат уже отвечал на вопросы следователя?

– Да, он сказал, что я уехал и буду в Москве не раньше следующего понедельника. Следователь оставил повестку, попросив меня явиться к нему на допрос во вторник в качестве свидетеля.

– Как фамилия вашего адвоката?

– Любомудров. Викентий Алексеевич Любомудров. Такая интересная фамилия. Он хороший специалист, мы с ним работаем уже давно.

– Не сомневаюсь, что вы выбрали самого лучшего. Я буду работать в Москве вместе с ним. Кого вы еще можете мне рекомендовать? Мне нужен еще один помощник.

– Андрей Ильин, тот самый, который уже был у вас дома. Я ему полностью доверяю. Мы с ним знакомы несколько лет.

– Отлично. Теперь мне нужно, чтобы вы абсолютно честно ответили на несколько моих вопросов. Только очень честно, иначе я не смогу гарантировать нужного вам результата.

– Да, конечно, – пробормотал Александр, – я вас слушаю.

– Вы знали о том, что в отеле вас снимают?

– Конечно, нет, – растерялся Александр, – вы решили, что я сам организовал эту съемку?

– Я ничего не решил. Я только уточняю.

– Ничего я не знал. А если бы догадался, то сломал бы камеру. Даже просил проверить Викентия Алексеевича этот номер. Он все просмотрел лично. Очевидно, миниатюрная передающая камера была установлена под картиной, откуда и велась вся съемка.

– В первых эпизодах показанной мне ленты ваша личность не вызывает сомнений. В последних эпизодах – точно не вы? Я сейчас ваш поверенный, как священник или адвокат. Если вы убили девушку, то лучше скажите мне сразу, чтобы я поменял вектор поисков. Тогда я буду искать не убийцу, а оправдывающие вас обстоятельства. Если вы мне сейчас соврете, это будет означать крах поставленной мне задачи.

– Вот и вы мне не верите, – вздохнул Александр. – Я ее не убивал, – твердо сказал он, – и не стрелял в нее, – добавил бизнесмен.

– Хорошо. Теперь последний вопрос. Вам действительно так важно принять участие в аукционе? Или для вас предпочтительнее отказаться и выкупить оригинал пленки у Хеккета?

– Я не могу отказаться, – вздохнул Александр, – дело не во мне. На аукционе завязаны интересы очень многих людей. Моя компания всего лишь организация, использовав которую очень влиятельные люди хотят приобрести пакет акций. Нет, я никак не смогу отказаться. Для меня это равносильно самоубийству. В таком случае я действительно больше никогда не смогу вернуться в Москву. И в Париже оставаться нельзя. Меня просто пристрелят. Без всякой пощады. Здесь задеты интересы очень влиятельных людей.

– А ваши противники?

– Это другой клан. По существу, в России сейчас реально у власти находятся несколько кланов, которые определяют всю политику в стране. Если я откажусь, то подведу весь клан связанных со мной людей. Выставлю их посмешищем в глазах западных партнеров. А пакет акций, которым завладеет другой клан, способен усилить их влияние на всю экономику и политику России. В том числе и в деле контроля за реальной ситуацией в стране.

– Убедительно, – сказал Дронго. – Я с самого начала подозревал, что здесь замешаны не только крупные экономические интересы, но и политика. Уорд Хеккер слишком известная личность, и его не стали бы нанимать только для того, чтобы вас так дешево подставить. Они, очевидно, до мельчайших деталей рассчитали свою стратегию и выбрали самую уязвимую точку.

– Вот именно. Формально документы обязан подать именно я как глава нашей компании. И все подписи на пакете документов должен проставить тоже я. Теперь у меня выбор – или не ехать в Москву и ждать, когда меня убьют за обман интересов весьма влиятельных людей, или полететь в Москву и положить голову на плаху, пожертвовав собой. Акции мы, конечно, приобретем, но меня посадят надолго. Или тоже убьют. Получается, что в обоих случаях конец у меня будет одинаковый.

– Это мы еще посмотрим, – возразил Дронго, – иногда возникает и третий вариант. Это когда монета падает ребром. Один шанс на миллион, но он всегда существует.

– Хорошо, – заставил себя улыбнуться Александр, но улыбка получилась вымученная и жалкая, – будем считать, что вы мой шанс. Как раз такой шанс. Один из миллиона.

– Утром я вылетаю обратно в Москву, – сообщил Дронго, – и пусть ваш Ильин меня встретит. Если можно – вместе с вашим адвокатом. У нас и без того очень мало времени.

В отель «Ритц» на Вандомской площади он вернулся в первом часу ночи. В холле к нему подошел предупредительный портье.

– Простите, мсье, – сказал он извиняющимся тоном, – вам несколько раз звонили из пятьсот двадцать третьего номера. Просили подняться к ним, как только вы приедете.

– Кто звонил? – удивился Дронго.

– Не знаю. Но очень просили вас подняться к ним в номер. Они приехали только сегодня, мсье, и остановились в нашем отеле.

Странно, подумал Дронго, никто не знал, что он остановился в «Ритце». Но, поблагодарив портье, он вошел в лифт, чтоб подняться на пятый этаж.

Лифт, находившийся справа от входа, был устроен не совсем обычно. Гости входили в кабину лифта, и дверь закрывалась за их спиной. После чего кабина поднималась вверх, а гости, уже не разворачиваясь в тесной кабине, выходили через другую дверь. Поднявшись на пятый этаж, он прошел к указанному номеру, постучал.

– Войдите, – услышал он женский голос. Дронго осторожно открыл дверь и прошел в небольшой коридор. В комнате в двух креслах сидели две молодые женщины редкой красоты. Одна – блондинка, другая – шатенка. Возникало ощущение, что красавицы сошли с рекламных плакатов модельных агентств. Обе женщины смотрели на гостя, понимающе улыбаясь.

Сукин сын Хеккет, догадался, рассмеявшись, Дронго. Он все-таки запомнил его фразу и прислал сразу двух красоток. Прекрасно зная, что женщинам не разрешат сидеть в холле до полуночи, он подстраховался и снял для них номер. То есть вновь продемонстрировал свое умение решать любые проблемы.

– Вы ждете меня? – спросил Дронго.

И в этот момент раздался телефонный звонок. Одна из молодых женщин грациозно поднялась и, подняв трубку, передала ее Дронго.

– Приятного отдыха, Дронго, – пожелал Хеккет, – по-моему, вам они должны понравиться. Можете не беспокоиться. В «Ритце» у меня нет спрятанных камер.

– Это еще неизвестно, – пробормотал Дронго, – но в любом случае благодарю вас за подарок. Я ваш должник. Спокойной ночи.

Он положил трубку, обернулся к обеим женщинам. Колебаться было бы глупо. Он редко встречал подобные породистые экземпляры.

– Не могу отказать мистеру Хеккету, – улыбнулся Дронго, – только не будем доставлять ему удовольствия. Сейчас я спущусь вниз и сниму другой номер, где наверняка не успели побывать его люди.

– Что? – спросила одна из женщин.

– Ничего. Я просто восхищаюсь вашей красотой, – пробормотал он, выходя из номера.

День второй

Утром автомобиль, приехавший за ним к отелю, отвез его в аэропорт. На этот раз, возвращаясь обратно в Москву, он, как обычно, закрыл иллюминаторы. Самолетами он летал чаще, чем ездил на такси, но инстинктивный страх сидел в нем постоянно. При любой возможности он старался избежать полетов, заменяя их более длительными поездками на поездах.

В Шереметьеве его встречали двое – Любомудров и Ильин. Багажа у него не было, и он довольно быстро вышел к встречающим. Любомудров оказался худым высоким мужчиной с вихром непослушных волос, смешно торчавших на затылке. Толстые стекла очков наводили на мысль, что он испортил зрение на работе, углубясь в фолианты справочников и кодексов. Ильин выглядел ординарно солидно. Широкоплечий, высокий и красивый молодой человек в новой замшевой куртке. Он первым протянул руку Дронго. Любомудров подошел следом. Церемонно представился.

В «Ауди», на котором они приехали, за рулем сидел Ильин. Такова была просьба Дронго. Он не хотел вести разговор при водителе, даже если тот был человеком проверенным. Чем меньше людей будет знать об их поисках, тем реальнее шансы на успех.

– Вы завтракали в день знакомства с вашим патроном? – уточнил Дронго у адвоката. – Что вы можете сказать об особе, которая находилась тогда в ресторане? Мне хотелось бы услышать ваш рассказ.

– Симпатичная молодая женщина, – осторожно начал Любомудров, – хорошо одетая, волосы тщательно уложены. Вы знаете, я часто обращаю внимание на волосы «ночных бабочек». Обычно они очень неухоженные. Не знаю, чем это объяснить, но, видимо, им важнее следить за лицом, которое является их своеобразным рабочим инструментом, нежели за всем прочим. А эта девица была очень ухоженная, хорошо одета. Во всяком случае, одна ее сумочка потянула бы на несколько сотен долларов.

– Существуют профессионалки, труд которых очень высоко ценится и оплачивается, – заметил Дронго.

– Да, да, скорее она из этой категории, «высокооплачиваемых». Она прошла к столику, что-то заказала официанту.

– Как вы думаете, они были знакомы с официантом?

– Не знаю. Я не слышал, о чем они разговаривали.

– Но она кивнула ему как своему знакомому? Или, наоборот, сухо поздоровалась?

– Скорее как незнакомому.

– Как они познакомились с Александром?

– В его обычном стиле. Он послал ей самое дорогое шампанское. Девушка благодарно кивнула. Затем он подошел к ней, они немного поговорили и тут же пошли вместе – в его номер. Я думал, она уедет через час. Но он серьезно увлекся, даже отменил несколько важных встреч. А потом три дня девица оставалась в его номере.

– И многие видели их вместе? – как бы чем-то недовольный, спросил Дронго.

– Многие. Поэтому ее убийство вызвало у всех у нас шок. Но пока мне удалось убедить следователя, что шеф покинул гостиницу до того, как убили эту особу. Хорошо еще, что она оставалась в номере и ее нашли только в четвертом часу дня.

– А когда улетел ваш шеф?

– Он уехал из отеля в десять часов утра. В половине второго улетал его самолет на Париж. Мы еще успели заехать в наш офис.

– А когда, по мнению экспертов, убили женщину?

– Примерно в это время. Эксперты называют время с половины первого до половины второго. То есть теоретически он мог успеть выстрелить в женщину и приехать в аэропорт.

Конечно, только теоретически, но, если найдут какие-нибудь другие доказательства... Будет очень сложно его защищать.

– Вы видели пленку?

– Видел. Два дня назад я летал на несколько часов в Париж. Это ужасно. И очень убедительно. Пока пленки нет, все можно доказать. Но, когда появится пленка, непросто будет убедить следователей и прокуроров в невинности нашего патрона. И даже если нам удастся это сделать, то и тогда они могут показать пленку на телевидении. Вы же знаете, какой канал они контролируют. Если пленку покажут по телевидению, это вызовет еще больший скандал, чем обвинение следствия. Тут уж невозможно оправдаться.

– Это я понимаю. Как ее звали?

– Ирина. Ирина Максименко. О ней уже писали некоторые газеты. Там же содержались и намеки на ее связь с неким высокопоставленным лицом. Но пока нигде не упоминаются конкретные фамилии.

– Мы едем к «Метрополю», – сказал Дронго, обращаясь к Ильину.

Тот молча кивнул, чуть прибавляя скорость.

– Мы уже были в гостинице, – нарушил молчание адвокат, – как и следователи. Это особый отель. Там есть собственная служба безопасности, есть и свой круг посетителей. Но, что странно, – никаких сведений об убитой. Наверное, она там не работала.

– Или наоборот, – вздохнул Дронго. – Вы, очевидно, использовали обычную систему проверки. Есть еще и неформальные методы проверки.

– В «Метрополе» нельзя часто появляться, – заметил Ильин, – нельзя мельтешить. Можно нарваться на очень крупные неприятности.

– Я постараюсь аккуратно, – понимающе кивнул Дронго, – все едино поиск нужно начинать с отеля. А вы, Викентий Алексеевич, поедете в прокуратуру и постараетесь узнать все о погибшей. Кто она, откуда родом, где проживала, если москвичка, где живут ее родные, где была прописана. В общем все, что сможете узнать.

– Постараюсь, хотя, честно говоря, вряд ли следователь обязан мне все это рассказывать, – с сомнением протянул Любомудров.

– Объясните, что речь идет о репутации вашего патрона. Что вы решили помочь следствию установить истину. Я думаю, следователь, замороженный массой дел, наверняка пойдет вам навстречу. В конце концов, зачем скрывать данные об убитой? Это ведь не тайна следствия.

– Где она жила, мы знаем, – вставил Ильин, – на улице Удальцова, в новой Олимпийской деревне.

– Откуда вы знаете?

– Наши водители ее несколько раз туда отвозили.

– Это еще ни о чем не говорит, – возразил Дронго, – вполне возможно, что она там не живет. Кто-нибудь поднимался вместе с ней в квартиру?

– Нет. Машина обычно ждала у дома.

– В любом случае мы поедem туда и все проверим, – согласился Дронго, – но сначала в «Метрополь». По дороге завезем в прокуратуру Викентия Алексеевича.

– Где встречаемся? – спросил адвокат.

– Ровно через два часа мы за вами заедем. Только постарайтесь все же узнать побольше. Любые детали, любые подробности могут оказаться очень важными.

– Я вас понимаю, – кивнул Любомудров, – постараюсь сделать все, что смогу.

«Ауди» свернул к зданию городской прокуратуры. Машина плавно затормозила, и адвокат, забрав свой портфель, вышел из автомобиля. Андрей дождался, когда он подойдет к дому, оглянулся и, выворачивая руль, направил машину в обратную сторону.

– Вы уже проверяли в гостинице?

– Пытались, – вздохнул Ильин, – и по ее прежнему адресу тоже проверяли. Никаких следов. Как будто она появилась из ниоткуда. Никто не знает, где она жила. А следователи не выдают нам свою информацию. У них тоже есть какие-то секреты.

– В адресном столе проверяли?

– Проверяли. По адресу, который нам дали, она вообще никогда не появлялась.

– Хорошая работа, – пробормотал Дронго.

– Да нет, – не понял его Андрей, – обычная. Видите, никаких результатов.

– Не ваша, – жестко пояснил Дронго, – а конкурентов вашего шефа. Сделано все с блеском, на высочайшем уровне. Почти гарантированно исключили человека из игры не только на время данного аукциона, но и на последующие недели, месяцы. Если мы не сумеем найти убедительных доказательств его невиновности, они смогут шантажировать его достаточно долго. Нет никаких гарантий, что после проведения аукциона вашему шефу опять не предложат заключить какую-нибудь сделку. Людям подобного типа нельзя уступать. Никогда и ни в чем. Достаточно уступить один раз, и они, почувствовав вашу слабину, съедят вас с потрохами. Им нельзя уступать, – повторил Дронго.

Андрей кивнул, бросая взгляд на обгонявший их джип, который едва не подрезал им дорогу. Да, ездить в центре Москвы становилось не только проблематично, но и опасно. Либо угодишь в многочасовую пробку, либо тебя без всяких правил начнут обгонять несущиеся на предельной скорости «джигиты», либо, что совсем худо, нарвешься на нервного типа, способного открыть стрельбу, если вы захотите втиснуть свой автомобиль перед его носом.

Пока они подъехали к «Метрополю», прошло не меньше сорока минут. Дронго озабоченно посмотрел на часы.

– Кажется, я переоценил наши возможности, – пробормотал он, – у Викентия Алексеевича есть мобильный телефон?

– Конечно, есть.

– Если задержимся, придется ему позвонить, чтобы он нас не ждал.

Они затормозили наконец недалеко от гостиницы.

– Подожди меня здесь, – предложил Дронго, выходя из машины.

Отель «Метрополь» переживал свое второе рождение после успешной реставрации, проведенной в начале девяностых. Из обычной московской гостиницы с неизменными тараканами и клопами он превратился в роскошный отель, отвечавший стандартам самых придиричивых зарубежных клиентов. Дронго особенно нравились здесь апартаменты, в которых обычно размещались не приехавшие на время гости, а «местные жители», небедные люди, снимавшие номера в престижной гостинице.

Дронго прошел в холл. Подошел к портье. Поздоровавшись, поинтересовался, нет ли ему письма. При этом он назвал первую пришедшую ему в голову популярную фамилию. Портье – молодой человек лет тридцати, с вытянутой дынеобразной головой и с отсутствующим выражением лица, долго проверял списки и наконец объявил, что ничего не передавали. Дронго кивнул, отходя в глубь холла. Теперь все было в порядке. Итак, у него есть минут двадцать, пока служащие отеля не начнут обращать на него внимание. У них срабатывал некий комплекс своего «клиента»: человек, подошедший к стойке портье, уже рассматривался как свой и примерно полчаса не вызывал особых подозрений.

Дронго прошел к лифту, поколебавшись, решил подняться на несколько этажей по лестнице. На третьем этаже он остановился. В коридоре было пусто. Осмотревшись по сторонам, он прошел к номеру, который занимал в те роковые дни бизнесмен. Прислушался. За дверью – тишина. Входить было глупо, там наверняка поработала бригада следователей, которая успела осмотреть каждый сантиметр поверхности. И если в номере имелась камера, то ее давно сняли. Нет, тут нужна горничная, которая убирала именно на этом этаже.

Дронго повернул в другую сторону и медленно двинулся по коридору, пытаясь найти дверь, ведущую в служебные помещения. Но все оказалось тщетным. На этом этаже подобной двери не было. Он прошел обратно и поднялся по лестнице еще на один этаж. Здесь работали сразу две горничные. Их тележки стояли у открытых дверей номеров, расположенных в разных концах коридора. Дронго подошел к одной из тележек. Горничная в номере убирала постель.

– Добрый день, – улыбнулся ей Дронго, – вы не знаете, кто работает на третьем этаже? Я случайно выбросил в мусорное ведро нужную мне записку. А ее уж успели унести.

– Зинаида Яковлевна, она сейчас тоже на третьем, – ответила женщина.

– Но там никого нет.

– А вы пройдите в другое крыло. Она небось закончила убирать ваши комнаты и пошла дальше.

– Спасибо, – Дронго поспешил вниз. На этот раз он повернул в левое крыло здания и действительно увидел тележку горничной. Подойдя к ней, он постучал в приоткрытую дверь.

– Зинаида Яковлевна, – позвал он женщину.

Горничная вздрогнула и обернулась. Женщина лет сорока пяти, среднего роста, розовощекая, с круглой головой, похожей на шар, увидев незнакомца, растерялась.

– Что вам нужно? – спросила она.

– Я хотел бы поговорить с вами, – он вошел в комнату.

– Не здесь, – попросила она, – нам не разрешают никого пускать в чужие номера.

– Я знаю. И поэтому стою только на пороге. Так можно с вами поговорить?

– О чем? – испуганно спросила она. – Нам запрещено.

– Нет, нет, не беспокойтесь, ничего такого. Мне нужно только пять минут. Это вы убрали номер, где была убита женщина?

– Не знаю я никакой женщины, – отмахнулась горничная, – уходите отсюда, здесь нельзя оставаться.

Дронго достал из кармана стодолларовую купюру.

– Уходите, – твердо сказала женщина.

Он достал еще две такие же бумажки.

– Нам запрещено, – твердила она как заведенная.

– Всего несколько вопросов, – он прибавил еще две купюры и, подняв над головой деньги, сказал: – Здесь пятьсот долларов. Если вы захотите ответить на несколько моих вопросов, я отдам их вам.

Женщина посмотрела на деньги, потом на него. Потом снова на деньги. И неуверенно спросила:

– Пятьсот долларов?

– У меня мало времени, – сказал он, – вы хотите получить эти деньги?

– Что вам нужно? – Это уже было согласие.

Он сделал еще несколько шагов в глубь комнаты. Положил деньги на телевизор и, обернувшись к ней, спросил:

– Вы убрали номер в тот день, когда была убита женщина?

– Нет. Я убирала утром, когда она была жива. Мы убираем номера по утрам, до полудня.

– Вы ее видели?

– Видела.

– А раньше вы ее здесь встречали? У вас же наверняка есть собственный контингент девиц?

– Никакого контингента у нас нет, – испугалась женщина, – и девочку эту я раньше не видела. Думала, она с гостем приехала и с ним уедет.

– А кто убирал номер после вас?

– После меня убирала Света. Ее вызвали почистить номер вечером, когда там уже нашли убитую.

– Где эта Света? Она сегодня работает в гостинице?

– Нет.

– Как ее можно найти?

– Я не знаю... – она посмотрела на телевизор, где лежала стопочка «зеленых». Доллары явно давили на ее сознание. – Не знаю, – чуть запинаясь, произнесла она.

– Мне нужен адрес, – он умел быть настойчивым, когда требовали обстоятельства.

– У меня есть только ее телефон, – облегченно выдохнула она, решив таким образом трудную задачу.

Он понял ее состояние.

– Хорошо, – улыбнулся Дронго, – давайте телефон.

Она продиктовала семь цифр. Снова взглянула на деньги.

– Они ваши, – кивнул Дронго, – надеюсь, вы меня не обманули. Иначе мне придется вернуться за своими деньгами.

– Нет, – испугалась женщина, – нет, нет. Точно, не обманула я вас.

– У меня к вам еще несколько вопросов. Первый. Когда вы убирали в день убийства их номер, бизнесмен уже успел уехать или нет?

– Я не знаю. Мы на такие вещи не обращаем внимания. Девушка была в номере. Это я точно помню. Меня спрашивали. Следовательно еще сказал, что, возможно, ее друг вернется обратно. Но я его нигде не видела.

Это не доказательство, разочарованно подумал Дронго.

– Второй вопрос. Может быть, вы видели в тот день на вашем этаже посторонних. Или, наоборот, знакомых? Из вашей службы безопасности, например?

– Никого я не видела. Обычные гости, клиенты, все как всегда. Пока не нашли убитую.

– Кто ее нашел? Вы сказали, что Свету вызвали после того, как нашли в номере убитую. Кто ее нашел?

– Наш Михаил.

– Не понял. Какой Михаил?

– Михаил Гоголадзе. Он отвечает за проверку на этажах мини-баров. Он вошел в номер и обнаружил убитую.

– Как найти Михаила? Где его можно застать?

– Он внизу сидит, в службе сервиса. Да его же все знают, – удивилась женщина.

– Наверно, он очень известная личность, – пробормотал Дронго. – У меня остался последний вопрос. Когда вы убираете в номере, вы обычно смахиваете пыль с картин?

– Во время обычной уборки – нет. Это мы делаем раз в неделю. Клиенты бывают недовольны, если мы задерживаемся в номере дольше обычного. Нам нужно успеть поменять белье, сменить полотенца, почистить ванную комнату и убратся в номере. Больше ничего. Ну, если замечу на картине пыль, конечно, протру. Но обычно полную уборку мы проводим раз в неделю или в две недели.

Даже не отдавая себе отчета, женщина двигалась все ближе и ближе к телевизору, ближе к деньгам. Словно боялась, что этот незнакомый человек в конце концов ее обманет.

– Спасибо, – сказал Дронго. – Надеюсь, вы понимаете, что никому нельзя рассказывать о нашем разговоре. Это в первую очередь в ваших же личных интересах.

Он повернулся и вышел из номера. Снова спустился по лестнице вниз. Вновь подошел к портю.

– Так и не принесли письмо? – снова осведомился он.

– Сейчас проверю, – занервничал портъе.

– Ничего, – отмахнулся он, – я пока пообедаю. Да, я хотел бы зайти в службу сервиса. Куда мне пройти?

– Вы можете позвонить из своего номера, – посоветовал портье.

– Не обязательно. У меня ничего особенного. Я просто хотел поговорить с одним человеком.

Портье теперь уже настороженно посмотрел на него. Потом тихо спросил:

– С каким человеком?

– Мой компаньон, уезжая из отеля, просил передать деньги для одного из сотрудников службы сервиса. Ничего особенного. Триста долларов. Просто мне неудобно не выполнить его просьбы.

– Триста долларов? – переспросил портье. – А кому вы должны их передать?

Когда речь касалась денег, здесь верили любой выдумке. Как, впрочем, и повсюду в мире в сфере обслуживания, где независимо от кредитных карточек всегда присутствовали чаевые в виде наличных.

– Михаил. Фамилию я не помню. Какая-то грузинская фамилия, – Дронго сделал вид, что пытается вспомнить.

– Гогуладзе, – обрадовался портье, – сейчас я его позову.

Он снял трубку телефона и быстро пробормотал в микрофон несколько едва слышных фраз. На стойке уже лежала стодолларовая купюра.

– Вы так внимательны, – льстиво сказал Дронго.

Глаза у портье превратились в две небольшие щели. Он облизнул губы и кивнул головой, протягивая руку.

– Письмо искать? – хрипло спросил он.

– Конечно, – улыбнулся Дронго. – Я думаю, оно обязательно придет.

Он отошел в глубь холла, устранившись в глубоком кресле. Через минуту рядом с портье появился высокий, несколько грузный малый лет тридцати пяти – сорока. Чуть лысоватый, с одутловатыми щеками, большим мясистым носом и вторым подбородком. Он выглядел куда импозантнее щуплого портье.

– Кто меня спрашивал? – спросил Гогуладзе.

Портье кивнул, показывая на Дронго.

– Это вы меня спрашивали? – с не очень заметным кавказским акцентом спросил Гогуладзе.

«Очевидно, он провел большую часть своей жизни в Москве или в другой точке России, – подумал Дронго. – Родившиеся в Тбилиси дети, которые учились говорить на грузинском, никогда потом не могут избавиться от характерного акцента, переходя на русский, даже если этот язык становится для них основным».

– Добрый день, – поднялся навстречу Михаилу Дронго, – я хотел бы с вами немного побеседовать.

– Что вам нужно? – спросил здоровяк, мрачно взглянув на незнакомца.

– Мы могли бы где-нибудь поговорить? – повторил Дронго свой вопрос.

– О чем это?

– У меня есть к вам интересное предложение.

– Идем за мной, – согласился Михаил, показывая куда-то за спину портье.

Они прошли через холл, вышли в небольшой коридор, и Гогуладзе толкнул дверь, приглашая войти в маленькую комнату. Комната была пуста. Вдоль стены выстроились стулья. На журнальном столике стоял телефон.

– Какое у тебя дело ко мне?

– Мой друг просил передать вам триста долларов, – будничным голосом сообщил Дронго, доставая три стодолларовые бумажки.

– За что? – коротко спросил Михаил.

– Мне нужно узнать у вас некоторые подробности.

Он даже не посмотрел на деньги. Только в лицо незнакомцу. Потом недовольно буркнул:

– За три сотни «зеленых» купить хочешь? Дешевку нашел, да?

– Нет, нет, – поспешил успокоить его Дронго, – я не хотел вас обидеть. Может, мой друг обещал вам большую сумму? Вы скажите, я заплачу за него. Сколько? Пятьсот, тысячу?

– Хороший у тебя друг, – уже более спокойно сказал Гогуладзе, – ладно, посмотрим, что ты хочешь. Ты сам грузин?

– Нет. Но грузинский немного понимаю.

– Тогда скажи, что тебе нужно. А я назову цену.

– У меня очень простой вопрос. Это вы обнаружили убитую на третьем этаже?

– Какую еще убитую? – разозлился Гогуладзе.

– Женщину, которую нашли убитой на третьем этаже в своем номере. Ведь вы отвечали за их мини-бар. – Он намеренно говорил ему «вы», словно не замечая, что тот обращается к нему на «ты».

– До свидания, – Михаил повернулся к нему спиной, – уходи-ка отсюда, – посоветовал он, намереваясь уже выйти из комнаты.

– Подождите, – попытался остановить его Дронго, – может, мой друг предложил вам куда большие деньги?

– А мне твои деньги вообще не нужны, – обернулся к нему Гогуладзе, – мне моя голова дороже. И у тебя нет столько денег, чтобы мне за нее заплатить. Ничего я тебе не скажу. Лучше уходи отсюда. Ничего у тебя не выйдет.

– Мне нужно знать, что именно вы видели?

– Ничего не видел, – огрызнулся Гогуладзе, – говорю, уходи отсюда.

– Сейчас, – Дронго вдруг схватил руку Михаила, резко выворачивая ее в сторону. От нестерпимой боли тот застонал. Дронго толкнул его к стене и прижал локтем горло. Несчастный захрипел, но Дронго давил все сильнее.

– Ты свои дешевые трюки в другом месте показывай! – рявкнул Дронго. – Сейчас ты у меня на коленях ползать будешь.

– Отпусти, – хрипел Михаил, – отпусти же.

Существует определенный тип людей, которые понимают только язык силы. Очевидно, Михаил был из той породы. Пока к нему обращались на «вы», предлагая деньги, он хамил, показывал характер. Но, когда увидел перед собой хама и бандита, под которого играл Дронго, испугался. Он понял, что своя голова дороже.

– Быстро колись! – Дронго понимал, что, войдя в роль, нужно играть ее до конца. – Говори, – надавил он сильнее на горло Гогуладзе.

– Ничего не знаю, – хрипел тот, – мне сказали, чтоб молчал. Чтоб ничего не говорил. Я вошел в комнату, там была она... Убитая... лежала на полу. И больше ничего не видел. Клянусь мамой, ничего не видел.

– Кто сказал, чтобы ты молчал?

– Следователь. И наша служба безопасности. Говорят, там бизнесмен жил, очень известный. Чтобы я нигде его имя не говорил. И вообще чтобы забыл про убитую.

– И все? – разочарованно спросил Дронго.

– Клянусь, – хрипел Михаил, – ничего больше не знаю. Как женщину увидел, сразу побежал в коридор людей звать. Я крови боюсь...

– Ладно, – Дронго ослабил хватку.

Черт возьми! Получалось, что он идет по ложному следу. Повернувшись, он пошел к выходу.

– А мне что делать? – услышал Дронго за спиной робкий голос.

- Жить как раньше, – бросил он, не оборачиваясь.
- В холле портье, увидев знакомое лицо, улыбнулся.
- Письмо еще не пришло, – приветливо сказал он.
- И не придет, – бросил Дронго, выходя из отеля.

День второй

В машине его терпеливо ожидал Андрей. Дронго тяжело опустился на сиденье. Вдохнул, взглянув на часы. Условленное время встречи с Викентием Алексеевичем еще не подошло, но добираться до прокуратуры через центр города пришлось бы не менее тридцати-сорока минут.

– Позвони Любомудрову, пусть ждет нас, – сказал Дронго.

Андрей кивнул, доставая телефон. Набрав номер, передал телефон Дронго.

– У вас есть новости? – спросил он.

– Нет. Следователь ничего не сказал. Вы ведь понимаете, что он не имеет права разглашать тайну следствия. За исключением некоторых общеизвестных фактов. Как звали девушку, где она была прописана, ну и тому подобная дребедень.

– Мы сейчас приедем, подождите нас, – попросил Дронго, отключаясь.

Он знал, как просто прослушать мобильный телефон. Когда автомобиль отъехал от гостиницы, Дронго спросил у сидевшего за рулем Андрея:

– Как ты думаешь, мы сумеем найти следы убитой по тому адресу, куда она якобы ездила?

– Не знаю, – честно ответил Андрей.

– Ты отвозил ее на Удальцова?

– Вообще-то я не водитель, – заметил Ильин, – у меня немного иные функции.

– Я не хотел тебя обидеть. Просто мне нужно понять, зачем она туда ездила. Если только для того, чтобы обмануть всех вас, то это слишком далеко. Она могла бы выбрать место поближе. Если там действительно жили ее знакомые, то их наверняка уже потрясли следователи. В таком случае, почему следователь не хочет сообщить нам адрес, который все равно ничего не даст? И все же съездим по адресу, который знали ваши водители. Кстати, кто их обычно туда отвозил?

– Наш водитель. Леня. Он работает с самим патроном. Поэтому и отвозил ее туда, на Удальцова. Два раза. И еще раз кто-то другой. Но я точно не помню, кто именно.

– Где можно найти вашего Леню?

– В офисе нашей компании. Он на работе.

– Заберем Викентия Алексеевича и поедем к вам. Нужно найти Леню. Кстати, заодно и выясним один адресок. Телефон Лени у меня есть, узнаем, по какому адресу он находится.

– Выясним, – кивнул Андрей, – это-то не проблема.

Автомобильные пробки в центре города были уже не просто обычным явлением, но проблемой, решить которую не могли городские власти. Даже широкие проспекты столицы не выдерживали напора автомобилей, хлынувших в город с начала девяностых. До прокуратуры они добирались довольно долго. У здания их терпеливо ожидал Викентий Александрович, не проявляя никаких признаков раздражения. Профессия приучила адвоката к терпению. Он сел в машину и тяжело вздохнул.

– Собственно, я так и думал, – сказал Любомудров, – ничего не получается. Следователь даже не хочет говорить на эту тему. Его можно понять. С одной стороны, на него давят, чтобы он быстрее закончил дело, с другой – требуют обвинить нашего патрона. И он запутался, что же ему делать.

– Вы думаете, на него так уж сильно давят?

– Это заметно, – вздохнул адвокат, – полагаю, что и девушку подставили именно из-за этого. Цель тактическая – не допустить участия в аукционе главу нашей компании. А цель стратегическая, конечно же, скомпрометировать его настолько серьезно, чтобы навсегда отбить у него охоту появляться в этой стране. Все слишком серьезно. Если мы не сумеем доказать в течение нескольких дней невиновность патрона, боюсь, что ему все же придется прилететь

и отвечать на вопросы следователя. В противном случае они сделают официальный запрос и попросят власти во Франции о его выдаче.

– А французы сразу согласятся, – мрачно подвел итог Дронго.

– Конечно, согласятся. Он для них типичный представитель русской мафии. Они не делают различия между нашими бизнесменами. Любой очень богатый человек из России для них прежде всего подозрительный тип, неизвестно каким образом разбогатевший и Бог знает как оказавшийся в их стране. Я уже сталкивался с подобными фактами. Западные страны охотно выдают любого бывшего российского гражданина в случае обоснованного обвинения. Бывшие соцстраны, наоборот, не выдают никого, даже если обвинение абсолютно доказано. Там работают те же мотивы, но для них Россия прежде всего наследница Советского Союза, и, чтобы выразить свое отношение к правовой системе России, они демонстративно не выдают даже заведомых преступников.

– Полагаете, вашему патрону стоит переехать в Польшу или в Чехию, чтобы его не выдали, – пошутил Дронго, – или еще лучше – в одну из прибалтийских стран?

– Не получится, – возразил Любомудров. – Он слишком известный человек. Если через шесть дней мы не подтвердим участие нашей компании в аукционе, разразится грандиозный скандал. Наши западные партнеры откажутся от любых экономических контактов не только с нашей компанией, но и вообще с Россией. И выиграют только наши конкуренты.

– Вы считаете, что все спланировано на столь высоком уровне?

– Безусловно. Вы же прекрасно знаете, кто именно поддерживает наших конкурентов. Уже давно и открыто они заявили, что не допустят участия в аукционе другой стороны. Теперь они демонстрируют свои возможности. Если пленку покажут по телевидению... – Любомудров еще раз вздохнул. – Не могу представить, чем все это может кончиться. Но у нас не будет шансов не только на участие в аукционе, но и вообще на сохранение нашей компании. Все слишком серьезно.

– Но, насколько я знаю, вашего шефа поддерживают на очень высоком уровне.

– В том-то все и дело. Чтобы скомпрометировать этот уровень, и затеяна подобная операция. Просто не представляю, как мы выберемся из этой ловушки. Ведь мы наверняка не сумеем найти убийцу или тех, кто стоял за этим преступлением в оставшиеся пять-шесть дней. А подтвердить свое участие в аукционе мы должны до вторника. В понедельник вечером срок подачи заявок истекает. В следующий четверг должен состояться аукцион, на котором наша компания намеревалась побороться за весь пакет акций.

– Я все помню, – мрачно кивнул Дронго, – мы сейчас постараемся узнать один адрес, а заодно попросим водителя вашего патрона немного поработать и с нами. Кстати, в вашей компании есть служба безопасности?

– Конечно, есть, – ответил Любомудров. – Ее возглавляет бывший генерал КГБ Савва Афанасьевич Федосеев.

– Савва? – переспросил Дронго. – Достаточно редкое имя. Он из Сибири?

– Кажется, да. А почему вы так решили?

– В городах такие имена уже давно не дают, хотя встречаются исключения. Почему ваш патрон не подключил к этому делу собственного начальника службы безопасности? Он ему не доверяет или не хочет посвящать в это дело слишком много людей?

– Нет. Ни то и ни другое. Именно Федосеев предложил вашу кандидатуру, узнав через своих бывших коллег, где именно вас можно найти. У него сейчас полно работы, думаете, так просто узнать, что именно предложат на аукционе наши соперники?

– В каком смысле? – не понял Дронго.

– Нам нужно знать их цену, чтобы перебить ее собственным предложением, – охотно пояснил Любомудров.

– Мне кажется, это несколько противозаконно, – осторожно заметил Дронго.

– Конечно, – кивнул Викентий Алексеевич, – но так проходит большинство аукционов в нашей стране. Узнать заранее о предложенной цене нельзя нигде в мире. А у нас можно. У нас можно многое. Мы узнаем заранее цену, мы договариваемся о правилах проведения аукциона. У нас даже можно предложить цену гораздо меньшую, чем конкуренты, и выиграть аукцион. У нас можно все, разве вы этого не знаете, Дронго?

– У меня была несколько иная сфера интересов. Я старался не лезть в подобные дела.

– Я думал, об этом все знают.

– Догадывался, – кивнул Дронго, – но даже не предполагал, что все в таких масштабах.

– Еще в больших, – признался адвокат. – Если у нас будет время после следующего четверга, можете со мной встретиться, я расскажу вам массу интересных историй.

– Не думаю, что мне будет так интересно слушать ваши истории. Лучше издайте книгу «Краткая история проведения аукционов». Получится неплохой бестселлер.

– А потом получу пулю в затылок, – угрюмо буркнул Любомудров. – В такие дела лучше не соваться. Я делаю свою работу и не стараюсь узнавать больше, чем мне положено. Но, к сожалению, очень часто из-за своей профессии узнаю слишком много такого, что делает меня циником.

– Кажется, Бальзак сказал, что адвокаты, врачи и священники бывают всегда циниками, ибо знают о человеческих пороках слишком много того, что недоступно другим людям.

– Вот, вот. Интересное замечание и очень справедливое. Только я добавил бы к этим людям еще и политиков высокого ранга, которые иногда знают больше, чем все врачи, священники и адвокаты, вместе взятые. И которые лгут, соответственно, гораздо больше, чем мы все вместе взятые.

– Хотите сказать, что правила аукциона определяют не экономическими интересами?

– Конечно, нет. Каждый крупный аукцион в Москве – это прежде всего большая политика. И условия аукциона каждая команда политиков подбирает только для своих. Поэтому аукцион всего лишь формальность. Всегда заранее известно, кто победит.

– И все знали, что победите именно вы?

– Вот именно. При любых условиях на аукционе должна была победить наша компания. Мы знали все условия, предложенные нашими конкурентами, мы подготовили этот аукцион, полностью приспособив правила под себя. И в результате нас обошли совсем с другой стороны, откуда мы не ждали удара.

– В таком случае не могу понять, чем именно вы отличаетесь от своих конкурентов, – насутился Дронго. – Вы проводите аукцион по собственным правилам, считаете нормальным любой ценой обойти своих конкурентов, узнаете их первоначальную цену, которая должна быть абсолютной тайной до начала торгов, а потом удивляетесь, что ваши конкуренты подкладывают вам свинью.

Андрей оглянулся на Дронго, но не стал комментировать его слова. В салоне несколько секунд царил молчание.

– Нет, – сказал наконец Любомудров, – мы не удивляемся. Мы были готовы к любым акциям наших конкурентов. Но никто не думал, что они решатся на убийство. И на подобную провокацию. Мы все-таки оставались пока в рамках некоторых правил, не решаясь на такие методы.

– Какая разница? – резонно заметил Дронго. – Впрочем, мне действительно все равно, кто именно победит в этом аукционе. Меня интересуют только две вещи: кто убил эту женщину и как защитить вашего патрона от обвинения в не совершенном преступлении.

Автомобиль подъехал к большому зданию, появившемуся в Москве в начале девяностых словно по взмаху волшебной палочки. Остановились прямо у подъезда. Очевидно, автомобиль Андрея тут знали, так как выбежавший из здания охранник кивнул Ильину, собираясь сесть за руль и отогнать автомобиль на стоянку.

Они вошли в здание компании. У лифта их ждал другой охранник. На шестом этаже встречал третий.

– Здесь база ВВС или офис компании? – хмыкнул Дронго.

– У нас такая система охраны, – объяснил Любомудров. – Кстати, я забыл сказать, что Ильин заместитель Федосеева.

– Очень приятно, – кивнул Дронго, – когда мы наконец увидим вашего начальника службы безопасности?

– Вот его кабинет, – показал Ильин.

Они вошли в приемную. Миловидная длинноногая девица молча кивнула им. Все трое прошли в кабинет. Федосеев оказался крепким мужчиной лет шестидесяти пяти, лысоватым, несколько рыхлым, с крупным мясистым носом и большими ушами, словно раскатанными в блин, а затем приклеенными к его круглой голове. Увидев гостей, он мрачно кивнул им, приглашая войти.

– Добрый день, – приветствовал их сочный бас, – мне уже звонил Александр Михайлович, предупреждал о вашем приезде.

– Здравствуйте, – Дронго прошел к столу. – Но прежде чем начнем беседу, я прошу вас узнать, кому принадлежит номер телефона, который я вам сейчас назову. Его фамилия, имя и адрес. И вызовите вашего водителя.

– Назовите телефон, – предложил Федосеев.

Дронго назвал номер телефона. Федосеев кивнул Ильину, и тот вышел из кабинета.

– Что еще вам нужно?

– Пока ничего. Для начала, если позволите, мы поговорим с вашим водителем, с Леной, который отвозил погибшую.

– Мы уже с ним говорили, – Федосеев, похоже, терял терпение. – Почему вы считаете, что сможете узнать что-то новое?

– Вы проверяли адрес, по которому он отвозил погибшую?

– Конечно, проверяли. Дважды. Все квартиры в доме, где он останавливал машину. Из никаких результатов. Она просто дурачила наших людей. Я думаю, она была в курсе того, что их снимали на пленку. Просто никто не сообщил ей, чем закончатся их отношения с Александром Михайловичем. Полагаю, это была высокопрофессиональная проститутка, которую наняли специально на эту драматическую роль. А потом убрали, использовав даже убийство для своих целей.

– Водитель точно помнит дом, куда он отвозил девушку?

– Конечно, помнит. Он указал нам даже подъезд, и мы проверили все квартиры. Все до одной. На всякий случай проверили и три других подъезда. Ирина Максименко ни в одной из квартир никогда не появлялась, и никто ее там не видел.

– Но почему она ездила именно туда?

– Полагаю, хотела нас успокоить. Наша служба безопасности отслеживала всех людей, с кем встречался Александр Михайлович. Если бы в течение тех дней, когда Максименко общалась с ними, она никуда не выезжала, мы бы начали ее подозревать. Но она обставила все очень умно. Звонила куда-то по телефону, будто к тетке, просила приготовить ей одежду. Потом садилась в нашу машину и выезжала по известному вам адресу. Видимо, в подъезде, на одном из верхних этажей, ее ждал кто-то из сообщников, который и передавал ей сумку с вещами. Во всяком случае, по показаниям водителя, она задерживалась в своей квартире не очень долго. Видимо, не хотела долго стоять на лестничной площадке.

– Красиво все придумано, – согласился Дронго, – может, кто-то видел человека, который привозил сумки?

– Мы проверяли и это. Нет, никто не помнит незнакомца с сумками. Возможно, приезжал не один человек, а несколько. Может, даже была женщина, которая встречалась с Максименко. Она родом с Украины, мы собирались послать людей в город, где она выросла.

– Куда именно?

– Во Львов. Там остались ее мать и сестра. Но она уехала из родного города несколько лет назад и с тех пор ни разу не была на Украине, этот факт нам удалось выяснить достаточно точно. Но, несмотря на это, двое наших людей вылетели вчера во Львов, чтобы узнать о ней побольше.

– А насчет персонала, работающего в отеле, вы ничего не узнавали? О горничной, которая убирала в то утро на этаже? Другой, которая убрала номер после того, как нашли убитую?.. Нашедшем убитую служащем отеля? Их вы не пытались проверить?

– Нет, не пытались, – недовольно буркнул генерал, – ими занимались сотрудники прокуратуры. Мы не можем взять на себя их функции и вызвать подозрение нашим излишним рвением. Если мы будем так активны, то навлечем на себя подозрение следователя, который и без того явно торопится допросить Александра Михайловича.

Вернулся Андрей Ильин. Он протянул листок с указанным адресом.

– Узнали адрес, – сообщил он протягивая бумагу. – Кстати, Леня сидит в приемной, ждет, когда мы его позовем.

– Он вам еще нужен? – ревниво спросил Федосеев. Дронго понял, что если он все-таки начнет настаивать, то может оскорбить генерала сомнением в его профессионализме.

– Хорошо, – Дронго поднялся, – мы поедем проверить этот адрес. А пока я прошу подготовить мне все материалы, которые удалось собрать вашей службе безопасности об этой женщине. Кстати, ее фотографии у вас были?

– Мы проверяем всех, кто находится рядом с Александром Михайловичем, – повторил генерал.

– Тем лучше, – кивнул Дронго, – вдруг они нам понадобятся.

– Я поеду с вами, – решительно сказал Викентий Алексеевич.

День второй

На Дегунинскую улицу они подъехали, когда начало уже темнеть. Андрей по-прежнему сидел за рулем. Дронго и Любомудров, выйдя из автомобиля, поспешили к дому №3, где находилась квартира Светланы Коптевой, работавший в день убийства на этаже с номером Александра Михайловича.

– Вы разрешите мне подняться с вами или подождать внизу? – спросил адвокат.

– Если хотите, поднимемся вместе, – сказал Дронго. – Может быть, увидев почтенного человека, она будет несколько сговорчивее.

Они поднимались по лестнице. Викентий Алексеевич, страдавший одышкой, тяжело дышал. На четвертом этаже они наконец остановились, и Дронго позвонил в дверь. Подождал полминуты. За дверью – тишина. Он позвонил еще раз. Наконец послышались шаги, и дверь открылась. На пороге стоял молодой человек с развитым обнаженным торсом. Здоровяк недовольно смотрел на гостей.

– Вам кого? – спросил он.

– Это квартира Коптевых?

– Так вам Светка нужна, – понял молодой человек и, обернувшись, позвал: – Света, Света, к тебе тут пришли.

Из глубины квартиры вышла женщина в темном халатике. На вид она была значительно старше молодого жеребца, стоявшего в дверях. Ей было никак не меньше сорока. Опухшее, одутловатое лицо, хранившее следы былой красоты. Зеленые глаза, все еще сохранившие зазорный блеск, чувственный рот. Она удивленно смотрела на Дронго.

– Что вам нужно? – спросила она.

– Вы Светлана Коптева? – уточнил Дронго.

– Да, это я. А вы кто такие?

– У нас к вам разговор, – начал Дронго, – очень личный.

– Откуда вы? – спросила Коптева. – Я ведь уже отвечала на все вопросы следователей.

– Удостоверения у вас есть? – спросил более практичный молодой альфонс.

Любомудров достал из кармана свое удостоверение, показывая его молодому человеку.

– Адвокат, – презрительно сказал он. Сказывался стойкий советский менталитет, унаследованный и этим парнем. Представителями власти считались прокуроры и сотрудники милиции. Адвокатов традиционно не уважали, а в некоторых юридических институтах даже всерьез обсуждался вопрос, может ли быть членом партии адвокат, защищающий преступников. И хотя после девяностых годов все несколько переменилось и адвокаты постепенно начали занимать положенное им место в системе правовых отношений, выделяясь и спецификой своей профессии, и, соответственно, своими гонорами, тем не менее до западной системы ценностей, когда адвокаты находились в центре всего следственного и судебного процесса, было еще далеко.

– Что вы хотите? – недовольно спросила Коптева.

– Мы все-таки хотели бы поговорить, – улыбнулся Дронго, легко отодвигая от двери молодого человека. При весе за центнер и немалом его росте ему достаточно было толкнуть дверь, чтобы молодой человек отлетел от нее. Но он всего лишь отодвинул сожителя Коптевой от двери.

– Ах, ты еще дерешься, – недовольно проворчал альфонс, поднимая руку. Дронго перехватил ее.

– Не нужно, – серьезно сказал он, – не стоит лезть в драку.

Очевидно, тон, каким была произнесена эта фраза, и весь внушительный вид Дронго произвели впечатление. Молодой человек отпустил руку и, недовольно ворча, отошел в сторону.

– Проходите, – сиплым прокуреным голосом сказала Коптева.

Ее двухкомнатная квартира хранила следы былой роскоши. Очевидно, женщина не всегда работала горничной в отеле. На стене висели две картины достаточно неплохого качества. Даже не копии.

– Садитесь, – показала им женщина на стулья, расставленные вокруг стола. Ее молодой друг, успевший надеть рубашку, встал в углу, всем своим видом показывая недовольство. Светлана уселась напротив гостей, достала сигареты, закурила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.